

Глава 59. Не так уж много. Мне нравится слушать

Когда Цзян Тан произнёс это, на душе у него было особенно тревожно. С одной стороны, ему казалось, что такие слова слишком уж внезапны, будто он шагнул за границы того, кем они с Фу Линцзюнем приходятся друг другу. Но с другой стороны, быть липучим пёсиком ведь не преступление.

И когда он был человеком, и когда был зверьком, он очень зависел от Фу Линцзюня. Наверняка тот и сам это видел. С тех пор как Цзян Тан попал в этот мир, они ведь ещё ни разу не расставались. Так что сказать, что он будет скучать, в общем-то вполне нормально, да?

Он немного боялся смотреть на лицо великого босса. Каждая секунда после сказанного тянулась как пытка. Он уже хотел украдкой глянуть на выражение Фу Линцзюня, как вдруг услышал, как у него за спиной во всё горло орёт Е Чжэнвэнь:

— Господин Цзян, у меня есть руна духовной связи брата Линя! Я потом вам её нарисую!

Цзян Тан мгновенно покраснел.

Он... он что, сказал это так громко? Почему Е Чжэнвэнь вообще услышал их разговор? Неужели у культиваторов настолько острый слух?

Погодите. Если даже Е Чжэнвэнь мог слышать их разговор с Фу Линцзюнем, то не значит ли это, что и слова, которые он сказал Шэн Исюэ в повозке, Фу Линцзюнь тоже слышал?

Тогда это же получается почти признание?!

Запоздалая волна стыда укутала его с головы до ног.

Он даже не стал дожидаться ответа Фу Линцзюня, только, опустив голову, тихо пробормотал:

— Возвращайся... пораньше.

И тут же развернулся, чтобы сбежать.

Ветер поддел выбившиеся у висков пряди. Маленькая мочка уха пылала алым.

И тут его схватили за руку.

Горячая ладонь Фу Линцзюня мягко сомкнулась на его запястье, и тот с предельной серьёзностью начал выводить у него на ладони руны духовной связи.

Может, это было всего лишь иллюзией, но Цзян Тану казалось, что Фу Линцзюнь двигается нарочно очень медленно. Каждый штрих руны вызывал в центре ладони тонкую, щекотную дрожь, так что почувствовать сам рисунок он толком не мог.

— Запомнил? — спросил Фу Линцзюнь, когда вывел последний штрих.

— Не... — по привычке выпалил Цзян Тан, а потом поспешно исправился: — За-запомнил.

Но рука, державшая его, не разжалась.

Щекотные линии снова поползли по ладони. На этот раз Фу Линцзюнь рисовал ещё медленнее.

После каждого штриха он на миг задерживался, и только когда покрасневший до нежно-розового Цзян Тан несколько раз подряд сбивчиво уверил, что правда запомнил, наконец отпустил его руку.

По уговору Фу Линцзюнь должен был вернуться через три дня, а пока один уехал верхом, оставив молодых людей позади. И Цзян Тан, казалось, начал скучать по нему уже с этого самого мгновения. На сердце стало пусто.

К счастью, Шэн Исьюэ с большим воодушевлением взялась учить его методу Жуншэн. Постепенно эта тонкая тоска рассеялась, и Цзян Тан целиком погрузился в занятия.

На берегу как раз стояло начало лета, когда иволги поют в зелёных ивах. Три крупных коня звонко прошли по длинному мосту из синего камня, а гибкие ивовые ветви, свесившиеся с деревьев, едва не задевали крышу повозки, что ехала следом.

— Ох, как красиво! — Хуай Чэнъинь не так уж часто выбирался из дома, и потому всё вокруг казалось ему новым и удивительным. На каменных ступенях у воды женщины полоскали бельё, а какой-то озорной ребёнок пытался было спуститься ниже, но получил от одной из них громкий окрик. По обе стороны у въезда на мост стояли полупустые лавчонки. Кто-то продавал душистые мешочки и кисточки для вееров, кто-то — солёные утиные яйца или сушёные овощи собственного приготовления. Возгласы торговцев звучали один за другим, и от всего вокруг веяло живой, настоящей жизнью.

В области Цянькунь тоже можно было увидеть нечто подобное, но всё это оставалось всего лишь искусной подделкой, созданной культиваторами, чтобы разнообразить себе быт. Идущие по длинной улице заклинатели не стали бы до хрипоты спорить с лавочником из-за одного утинового яйца. Не было бы и шумных неугомонных детей, которые смеются, шалят без меры, а следом за ними семенит пожилой старик и терпеливо уговаривает успокоиться.

Юношам люди и виды городка Циньнань казались в новинку, но и жители Циньнаня смотрели на них точно так же — с любопытством.

Это место лежало на главной дороге к югу, так что путников и торговцев здесь было много. Но Хуай Чэнъинь и Сун Цзиньяо были так красивы, а Сян Син так заметно превосходил обычного человека ростом и статью, что трое всадников, проехавших по мосту, сразу притянули к себе взгляды всех вокруг.

А если взглянуть дальше, то даже у возницы повозки была серебряная корона, нефритовый пояс и поразительно красивое лицо молодого господина. Такая компания, отправившаяся в путь вместе, разумеется, притягивала к себе всеобщее внимание.

— Какой хорошенький молодой господин! — не удержалась одна из прачек на ступенях.

Вообще-то даже по меркам мира бессмертных все они были людьми редкой красоты. Просто среди культиваторов красивых лиц и без того было слишком много, так что на внешность никто особенно не обращал внимания. Но Хуай Чэнъинь и Сун Цзиньяо были ещё слишком тонкокожими и не привыкли к такому количеству любопытных взглядов, так что поспешили найти в городе постоянный двор и остановиться там.

Хорошо ещё, что было послеобеденное время и постояльцев почти не было. Иначе, если бы к ним прибавились ещё Шэн Исьюэ и Цзян Тан, их отряд из шести человек был бы слишком уж броским. Зато Шэн Исьюэ, которая в оригинале числилась первой красавицей, оказалась к такому куда привычнее. Она не умела, как великий босс, менять внешность с помощью

духовной силы, зато в жемчужине Нахай у неё лежало немало вуалей и шляп с завесой, скрывающих лицо. После того как все прикрыли внешность, на них, конечно, всё ещё поглядывали, но уже не настолько, чтобы это стоило внимания. Устроившись по комнатам, молодёжь решила вместе пройтись по Циньнаню и поискать чего-нибудь вкусного и интересного.

Цзян Тан получил от Фу Линцзюня руну духовной связи и, впервые познакомившись с таким удивительным способом передавать вести, едва ли не каждую интересную мелочь тут же спешил переслать Фу Линцзюню.

Вообще-то перед этим он всерьёз задумался, не выдаст ли себя тем, что умеет писать. Но потом решил: Фу Линцзюнь и так смог принять, что он из зверька превратился в человека, что умеет говорить и что запоминает формулы и наставления удивительно быстро. Так неужели его всерьёз может смутить умение писать?

Так и появились бесчисленные пустяковые вести.

Например:

«Только что видел, как рыбак вытащил огромную рыбу, длиной в шесть чи. С виду ужасно вкусная!»

«Здесьние пирожные «сливовый цветок» вкуснее, чем в области Цянькунь».

«Мы с ребятами смотрели, как муж с женой ругались, а в конце жена схватила мужа за ухо и утащила домой».

«Я поел ту самую большую рыбу! Какая удача — оказалось, тот рыбак хозяин маленькой харчевни. Я просто пришёл на запах, и правда очень вкусно!»

«...»

Сплошная болтовня и горы пустых слов.

Девять сообщений из десяти были о еде.

Цзян Тан вёл себя как человек, впервые получивший в руки смартфон: ему хотелось рассказывать Фу Линцзюню буквально обо всём, что попадалось на глаза. Фу Линцзюнь же девять раз из десяти не отвечал вовсе, а если и отвечал, то обычно одним-единственным «угу».

Отправлял, отправлял — и в какой-то момент Цзян Тан сам почувствовал, что это уже скучновато. Он перестал делиться всем подряд и с новой самоотдачей вернулся к горячему делу поедания рыбы.

Хотя этот маленький ресторанчик стоял не в самом удачном месте, народу в нём было полно. Им ещё повезло прийти рано и успеть занять места. Не прошло и много времени с тех пор, как по улице поплыл аромат блюд, а заведение уже было набито людьми под завязку.

— Слыхали? Того разносчика, что сбежал вместе с девчонкой из семьи Цзинь, нашли, — сказал кто-то за соседним столом приятелю, не прекращая есть.

— А девушка из семьи Цзинь? — спросил тот напротив.

Едок покачал головой:

— Не знаю. Её не нашли.

— Как же так? — в голосе собеседника прозвучало изумление. — А где нашли того разносчика?

— В горах. Когда его отыскивали, он уже немного тронулся умом, всё нёс какой-то бред. Его спрашивали, куда делась девушка из семьи Цзинь, а он только твердил, что её утащило чудовище, чтобы его не убивали, что он ничего не знает, и всё в таком духе. А потом и вовсе слова перестал складывать, спрятался под одеяло и не вылезал...

Ребята ели и попутно слушали разговор за соседним столом. Все они были культиваторами и особенно чутко относились ко всяким историям про нечисть и странные силы. Услышав, что какую-то девушку утащило чудовище, они тут же послали главного мастера общения в отряде — Е Чжэнвэня — разузнать всё как следует.

Но посетители знали и сами немного. К тому же шестеро молодых людей были для них чужаками, так что те не захотели много говорить и поспешили доесть и уйти.

— Жалко, мы даже не знаем, где живёт эта семья Цзинь... Иначе можно было бы сходить и расспросить, — сказал Хуай Чэнбинь.

Е Чжэнвэнь скривил губы:

— Не видел, как они на нас смотрели? И зачем лезть в чужие дела? К тому же сказки про чудовище — чушь. В Циньнэне никаких демонических зверей не водится. Мы целый день гуляли, я теперь хочу как следует вымыться и выспаться. Я уже всё разузнал: на озере Тяньюань можно арендовать лодку. Отдохнём как следует и завтра поедem рыбачить, а?

План был просто идеальный. Вот только когда вся компания вернулась на постоянный двор, их встретил чрезвычайно неловко выглядевший слуга.

— Господа постояльцы, дело в том, что наша гостиница...

Но договорить он не успел. Сверху уже высыпала целая шайка головорезов в коротких куртках и принялась швырять вниз их багаж, оставленный в комнатах. Затем из толпы вышел дородный мужчина средних лет с весьма упитанной физиономией и, стоя на втором этаже, сверху вниз оглядел их.

Один из задранных носов слуг рядом с ним высокомерно объявил:

— Господин Ху снял всю гостиницу. Ищите себе другое место!

Все присутствующие были избалованными небесными любимцами из бессмертных кланов, а уж среди них был ещё и великий повеса Е. Е Чжэнвэнь сразу же не захотел это терпеть и уже готов был подняться и объяснить господину по фамилии Ху, что такое правила и приличия. Но всё же нынешний Е Чжэнвэнь уже не был прежним Е Чжэнвэнем. Их положение было особым, а значит, бросаться в глаза было нежелательно. Для людей из мирской пыли они всё равно были всего лишь случайными путниками. По правде говоря, ссориться тут было совершенно незачем.

Весь по-настоящему важный багаж лежал у них в жемчужинах Нахай. Вниз побросали только вещи для вида, так что беды в этом не было.

С огромным трудом найдя другую гостиницу и наконец устроившись, смертельно уставший после целого дня еды, прогулок и развлечений Цзян Тан сразу рухнул в постель и уснул. Он спал, распластавшись на животе и громко посапывая. А темнеющее небо уже окончательно стало чёрным, когда в окно влетела красивая золотисто-алая духовная птица и опустилась рядом с его рукой. Долго-долго она сидела возле него, но лежащий на кровати человек всё не просыпался, и тогда птица приблизилась и несколько раз потерлась о тыльную сторону его ладони.

Цзян Тан медленно очнулся. Увидев духовную птицу Фу Линцзюня, он всё ещё испытывал странное чувство неловкости.

За сегодняшний день он отправил Фу Линцзюню целый воз бесполезной болтовни, а ответы в основном были довольно небрежными. Впрочем, Цзян Тан ведь не первый день знал Фу Линцзюня. В жизни тот и сам-то говорить не любил, не то что пересылать по духовной связи какие-то пустяки.

Просто Цзян Тан только-только научился пользоваться духовной связью и потому был немного возбуждён. К тому же впервые расставшись с Фу Линцзюнем, он всё равно чувствовал себя непривычно и неуютно. Лишь вид летящей обратно птицы немного успокаивал ему сердце.

Он раскрыл послание от Фу Линцзюня и увидел там фразу, от которой совсем растерялся.

«Почему ты перестал писать?»

Ни с того ни с сего. Совершенно не ответ ни на одно из его прежних сообщений.

Цзян Тан смотрел на эту духовную весть и никак не мог понять, что Фу Линцзюнь имеет в виду.

Писать что? Все эти его пустые сообщения?

Он ответил очень осторожно:

«Я слишком много болтаю?»

Когда дело доходило до письма, он уже не заикался и вполне мог строчить много-много строк подряд. Сегодняшняя куча сообщений наверняка отняла бы у великого босса немало времени, чтобы всё это прочесть. Да и прочёл ли он вообще всё?

Может, читал и мысленно смеялся над ним, как над деревенщиной, ничего не видевшей в жизни?

Ответ пришёл очень быстро.

Он раскрыл его.

Твёрдые, как сталь, красивые и чёткие иероглифов гласили:

«Не так уж много. Мне нравится слушать».

<http://bllate.org/book/17032/1644411>